

Антонина и что-то еще

«Бытие № 2» на фестивале NET

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Когда человек пишет пьесу, где едва ли не через слово варьируется вопрос о смысле жизни, то он, скорее всего, графоман.

Но необязательно. Пример **Ивана Вырыпаева**, сочинившего вначале пьесу «Кислород», а теперь представившего на сцене Центра имени Мейерхольда спектакль под названием «Бытие № 2», доказывает, что талантливому человеку дозволена даже графомания.

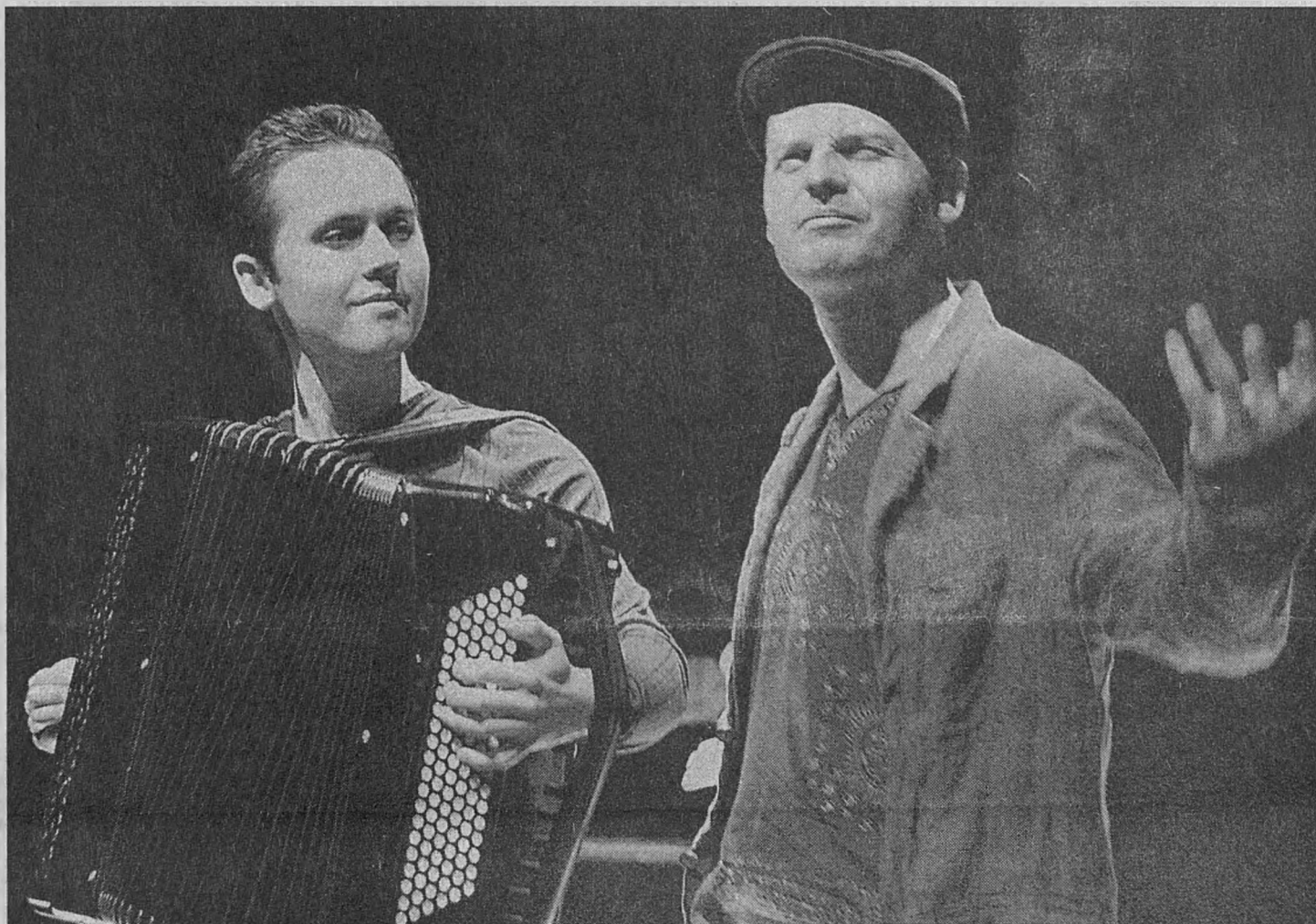
Предыдущая пьеса Ивана Вырыпаева «Кислород», наделавшая шуму в России («Золотая маска» в номинации «Новация») и на разнообразных европейских фестивалях, — нисколько не выдающееся литературное произведение. Коли попадется на глаза — и читать не стоит. Разве что просмотреть бегло. Секрет успеха спектакля «Кислород» состоял в том, что он был устроен именно как беглый просмотр текста. Двое актеров, парень и девушка, с пулеметной скоростью стреляли в растерявшегося зрителя словами, предварительно поделив массив текста на десять рэповых композиций. Благодаря этому вся глубокомысленность вечных вопросов мелела на глазах, а слово подвергалось решительной девальвации, будто рубль в ельцинскую эпоху. Не зря Вырыпаева иногда сравнивали с Евгением Гришковцом, чьи пьесы читать на бумаге тоже решительно невозможно. Гришковец в своих монологах перенес центр тяжести на многоточия и междометия, а Вырыпаев, не позволяя слишком уж вниматель-

но вслушиваться в смысл слов, пустил разговорную речь под откос.

В «Бытии № 2» Вырыпаев и вовсе скромно отошел на второй план, сделав себя драматургом № 2. Драматург № 1, как объясняет он публике перед началом спектакля (режиссер Виктор Рыжаков), — это Антонина Великанова, пациентка психиатрической больницы, угодившая туда с шизофренией. Через своего лечащего врача Аркадия Ильича бедная женщина передала Ване рукопись, а он ее, дескать, лишь слегка обработал и представил на суд публики. Памятуя о том, что в свои ранние иркутские годы Вырыпаев писал миниатюры от имени другого уважаемого человека, звавшегося Пантелеем Кармановым, я бы на месте зрителя не стал так уж доверяться драматургу — скорее всего, это лишь его «игры разума», а г-жа Великанова — просто вырыпаевская галлюцинация.

Антонина Великанова, сами понимаете, тоже не без галлюцинаций. Спектакль по-

строен как ее разговор с Богом, выступающим под псевдонимом доктора Аркадия Ильича (Александр Баргман), который категорически отрицает свое существование, не веря в самого себя. Кроме того, пациентка (Светлана Иванова) называет себя женой Лота — той, что оглянулась на разрушенный Содом и превратилась в соляной столп. Поскольку в книге Бытия имя Лотовой жены ни разу не упоминается, то нет никаких доказательств того, что ее не звали Антонина Великанова. Веселые богоискательские диалоги то и дело прерываются не менее веселыми куплетами, исполняемыми Вырыпаевым под звуки аккордеона, а жанр спектакля приближается к философскому водевилю. Бог Аркадий Ильич защищает идеи солипсизма, в то время как Антонина стоит на том, что в мире есть «что-то еще». Безрезультатный спор идет по кругу, и сентенции «Бог есть» — «Бога нет» в результате частого их повторения сами собой складываются в ритмическую композицию. Есть ли Бог, нету ли Бога, есть ли на свете Антонина Великанова или, может, наоборот — вопрос нерешенный. Единственное, в существовании чего крепко уверены создатели спектакля, — та самая соль, в которую превратилась жена Лота (в первом спектакле Вырыпаева метафорой «чего-то еще» становился, как мы помним, не соль, а кислород). Ее-то они, опорожнив десяток ведер, в финале и рассыпят щедро по полу. Засыпья — не хочу.

Драматург Иван Вырыпаев в любой момент готов вмешаться в действие, прерывая диалоги героев комическими куплетами под аккомпанемент баяна Айдара Гайнуллина Фотограф: Михаил Гутерман